

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Г57

Серия «Мастера магического реализма»

Jonathan L. Howard

JOHANNES CABAL, THE DETECTIVE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского: *Надежда Алексеева*

В оформлении использована иллюстрация *Сергея Неживясова*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

Copyright © 2010 Jonathan L. Howard
© Надежда Алексеева, перевод, 2020
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Луизе

Грехи любые только говорят,
Но вопиет убийство. Омывают
Земли пространства водные стихии,
Но пролитая кровь стремится ввысь,
Росою окропляя небеса.

Джон Уэбстер¹

¹ Перевод с англ. П. В. Мелковой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой поджидает смерть и завязывается интрига

В камере для приговоренных воняло кошками.

Здесь не водились крысы и тараканы, за что Иоганн Кабал — некромант, пользующийся дурной славой в определенных кругах, — был благодарен. Однако ради отсутствия вредителей приходилось терпеть целую армию кошек, что совершенно безнаказанно проникали внутрь и сновали по подземельям замка Харслаус. Откидные окошки для них были сделаны даже в дверях камер. Ни для кого не было секретом, что стражники придерживались куда более высокого мнения о животных, чем о заключенных. После того, как Кабалу устроили экскурсию по помещениям — она заключалась в том, что его спустили с лестницы и наорали на него, — у него не осталось сомнений, что любой вред, нанесенный усатым, вернется ему сторицей.

И вот теперь он — весь покрытый шерстью, оставленной бесчисленным числом поколений кошачьих, гордившихся своей шкурой, — сидел и ждал, когда у властей найдется минутка, чтобы его казнить. Наверное,

все могло сложиться гораздо плачевнее, однако, как Кабал ни смотрел на ситуацию, он никак не понимал, куда уж хуже. Поэтому он принялся размышлять о том, как вообще попал в подобный переплет. Строго говоря, искусство некромантии заключалось в том, что вызывали души умерших и, задавая им вопросы, с их помощью предсказывали будущее. Кабал считал этот способ довольно убогим. У мертвецов было неплохо с историей, чуть хуже они разбирались в настоящем, а уж в том, что касается грядущего, оказывались вообще бесполезны. На то они и трупы. Но именно такое определение давали некромантии словари.

Однако с годами стало ясно, что прекрасные слова «некромантия», «некромант» и «некромантский» растрачиваются на бесполезные определения — тогда у лексической группы проснулась совесть, и она слегка сместилась в сторону более интересного обозначения. «Магия, связанная с мертвецами» звучало солидно. Вызывать призрак тетушки Матильды, чтобы узнать, какие цифры выпадут в лотерее на следующей неделе, было скучно — куда веселее, когда маньяк с козлиной бородкой выпускает на свободу армию скелетов. Прекрасный пример эволюции языка, который несомненно дарит радость. У Иоганна Кабала не было времени на всяких тетушек Матильд — ни в этом мире, ни в загробном. Новое определение некроманта ему прекрасно подходило — он занимался тем, что поднимал мертвецов (хотя был не по части воинов-скелетов — их он оставлял некромантам, склонным к театральщине). Прежде всего Иоганн Кабал считал себя ученым, который занимается поиском лекарства от ужасной бо-

лезни. Смерти. Занятие само по себе похвальное, если бы не применяемые методы, его манеры и провальные эксперименты, результаты которых потом шатались по округе, пугая деревенских. Но даже это можно было бы простить — фармацевтические компании творили что похуже, — если бы не дурная слава, которую некромантия получила благодаря всяким пафосным субъектам, ее практикующим. Никто не имеет ничего против воинов-скелетов, когда они преследуют Ясона и аргонавтов на экране телевизора, но когда они ломятся к вам в двери... Это уже совсем другое дело. Кровавая кисть оставила следы на репутации всех некромантов, и Кабал, который желал лишь спокойно заниматься своими изысканиями, вдруг обнаружил, что его профессия вне закона, а практика карается вполне себе смертельным исходом. Подобное положение вещей не могло не раздражать. Особенно когда тебя ловили.

А произошло это вот как. Кабал пытался взять книгу в библиотеке Университета Кренца. Книга являлась частью «Особой коллекции», и он намеревался позаимствовать ее на продолжительный и не установленный четко период. Коль скоро он ожидал противодействия со стороны библиотекарей, то решил отправиться за книгой в половине второго ночи в праздничный день и наверняка преуспел бы в своей затее, если бы не огромный мастиф, который патрулировал коридоры и о котором информаторы забыли предупредить. Когда библиотека вновь открылась, сотрудники обнаружили Кабала в читальном зале, а сверху на нем стоял чересчур дружелюбный стокилограммовый пес и заливал его слюнями. Чуть в стороне, вне досягаемости, стоял

выдавший виды саквояж, в котором нашлись огромный револьвер, набор хирургических инструментов, блокнот, исписанный убористым почерком, обитый изнутри футляр с несколькими запечатанными пробирками, в которых плескалась мутная жидкость, и копия «Principia Necromantica, или Принципов некромантии» в формате ин-кварто².

Никто не хотел затянувшейся тяжбы. Никто вообще не был заинтересован в судебном разбирательстве, поэтому Иоганна Кабала просто проинформировали, что его ждет казнь, и отвезли в замок Харслаус. Произошло это почти месяц назад, и он уже начинал скучать. Он прекрасно понимал, что приговор будут приводить в исполнение так же «официально», как выносили, то есть где-нибудь на рассвете дверь в камеру распахнется, его оттащат в темный подвал, перережут глотку, а подергивающийся труп бросят в канаву. Но разве мог он с этим что-нибудь поделать? А если нет, то зачем беспокоиться? Однако до сих пор ничего не происходило; его по-прежнему кормили, причем почти съедобной едой, а кошки поумнее давно усвоили, что стоит держаться подальше от его камеры. Так чего же они ждали? Кабала посещало смутное и неприятное чувство, будто где-то у кого-то есть на него планы.

А потом все случилось именно так, как он и предсказывал. В предрассветный час его разбудил звук распахнувшейся двери, и, прежде чем он собрался с мыслями, на голову ему натянули мешок и потащили по лабиринту

² Книги большого размера, примерно 24х30 см, на одном листе располагались по четыре страницы. Так печатались старинные книги. (Прим. пер.)

коридоров. Он не пытался сопротивляться: его сопровождали по меньшей мере четверо, и даже самый мелкий среди них походил на мастодонта. Оставалось лишь сохранять спокойствие и ждать малейшей возможности сбежать, если таковая представится; ну а в случае, если ничего не выйдет и ему придется умереть, то с момента его последнего визита в Ад, процедура допуска туда была рационализирована.

Какое-то время его то тащили, то несли, а затем швырнули на стул. Мешок сорвали с головы — в ярком свете Кабал заморгал, разглядев угрюмого толстяка, который точил опасную бритву о полосу кожи. Кабал уже отошел от шока и подивился тому, что для подобных тайных казней на постоянную основу наняли палача. Его хладнокровие слегка дало трещину, когда грубые руки сорвали с него вонючую одежду. Любые жалобы по поводу столь бесцеремонного отношения, которые он собирался озвучить, захлебнулись, когда его бросили в ванну с мыльной водой и принялись натирать губками. Он все еще сплевывал пузыри, когда его снова вытащили, усадили на стул и размазали пену по лицу, после чего толстяк — прожигая взглядом — схватил его за горло и провел бритвой.

Кабал тут же прекратил всякое сопротивление. Толстяк скосил глаза на пену и щетину, свисавшие с лезвия, и махнул бритвой — грязь слетела одним шлепком и приземлилась в углу с отчетливым хлюпающим звуком.

— Довольно тепло для этого времени года, не так ли, сэр? — проскрежетал он, взглянув на Кабала. Лезвие вновь взметнулось.

Спустя десять минут Кабал — чисто выбритый, отмытый и одетый в недавно отглаженный костюм — любовался собой в зеркале. Ростом он был чуть выше шести футов; правда, обычно предпочитал зачесывать свои светлые волосы назад, да и костюм, который ему вручили, оказался не черным, а темно-серым, но в целом он был доволен своей внешностью. Он выглядел вполне солидно и серьезно, а Иоганн Кабал был очень серьезным человеком.

— Неплохо, — сказал он, проводя ладонью по подбородку. — Отнюдь неплохо. Вы тюремный цирюльник?

— Нет, сэр, — ответил мужчина, убирая бритву и ремень для заточки. — Я палач. Но неплохо иметь в запасе и другие навыки. Кстати, доброе утро.

Кабал глядел вслед уходящему палачу, испытывая довольно противоречивые чувства.

— Чувствуете себя человеком, герр Кабал?

Он обернулся посмотреть на вошедшего, и у него тут же закралось подозрение, что все это время он стоял там, в тени. Голос принадлежал человеку образованному. Кабал мысленно вздохнул — похоже, у всего происходящего имелась политическая подоплека, а политика и политики его неизменно утомляли.

— Не больше, чем обычно, — ответил он. — Полагаю, отпустить меня никто не собирается?

— И неправильно полагаете, — заявил незнакомец и шагнул в круг света. Стройный мужчина под сорок, с усами, прекрасно смотрелся в форме капитана Имперских гусар — доломан, накиннутый на плечи, под мышкой зажат кивер. Осанка и гордо висящий на шее орден говорили о том, что мужчина принадлежит

«земельной аристократии». Он подошел к столу, на котором лежала старая одежда Кабала, смел ее на пол и присел на краешек. Вынув портсигар, он достал одну сигарету себе, а затем протянул футляр Кабалу.

— Курите, герр Кабал?

— Исключительно в антиобщественных целях, — ответил он, не проявив интереса к портсигару.

Гусар улыбнулся, убрал портсигар и зажег сигарету.

— Вам известно, кто я?

Кабал пожал плечами, ничего не выражая этим жестом.

— Я — граф Маршал из Императорской личной гвардии. Ну?

Кабал поднял палец, показывая, что хочет спросить о чем-то.

— Может, это я столь ярый поборник номенклатуры, но разве титул «император» не подразумевает существование империи? Не слышал, чтобы Миркарвии удалось урвать у своих соседей хотя бы дюйм земли, ну, если не вспоминать случая со сломанным угломером. Да и тот кусок вам позже пришлось вернуть.

— Думал, вы образованный человек, герр Кабал. Разве вы не слышали о Миркарвианской империи и династии Эрцихов? Вы меня разочаровали.

— Естественно, слышал. Но то история прошлых веков. Нельзя ссылаться на дела давно минувших дней так, словно они произошли вчера. — Он взглянул на графа и тут же поправился: — Хотя, пожалуй, вам можно. Я погорячился.

Граф повертел головой, будто разминал затекшую шею.

— Вы верите в то, что история может повториться? В то, что прошлое повторится вновь? Лично я верю.

Другие имена, другие лица, но роли — те же. Люди будут вести войны с новым оружием, новыми тактиками, но цели не изменятся

Кабал считал все это бредом, но понимал, что для третьесортного аристократишки из глуши, чей лавровый венец давно покрылся пылью, подобная теория звучала очень даже утешительно. Однако было бы крайне неудобно расстаться с жизнью, если вдруг разговор пойдет не так, поэтому он ответил:

— Я не историк. Так что не мне комментировать.

— Но вы не согласны со мной. Впрочем, это неважно.

По тому, как это было сказано, Кабал решил, что подобная ремарка часто слетала с губ графа, после чего люди, чье мнение считалось неважным, плыли по реке лицом вниз. Предприняв над собой усилие, он попытался вести себя дипломатично.

— Вы прекрасно осведомлены о том, чем я занимаюсь. Мне приходится смотреть на перспективу. Возможно, в том, что вы говорите, и есть доля истины. Проводя собственные исследования, я подмечал повторяющиеся в веках паттерны. Однако история не входит в сферу моих интересов. У меня никогда не возникало желания анализировать эти закономерности.

— Закономерности? Ну да. — Какое-то время граф размышлял. — Да, мне нравится это определение. Паттерны, формирующиеся во времени. Судьба как манифестация геометрии. Неоспоримая, словно число «пи». Да! — Глаза его замерцали странным блеском. Маршал улыбнулся и начал расхаживать взад-вперед, жадно затягиваясь сигаретой. — Да!

У Кабала зарождалось неприятное чувство касательно графа. Опыт подсказывал, что все военные аристократы делятся на два класса. Большинство шли в армию, потому что им нравилось носить форму: они ужасно относились к своим камердинерам, тратили целое состояние на воск для усов и делали все, дабы понравиться тому типу женщин, что завидуют лошадям кавалеристов. Однако незначительное меньшинство отправлялось служить, потому что у них имелись планы, стратегические планы. И лишь крохотная часть этого меньшинства обладала достаточным умом, чтобы претворить эти планы в жизнь. Что ни говори, граф Маршал, может, и был сумасшедшим, но вдовесок он был еще и умен. Поэтому Кабал, который обычно проявлял нетерпение по отношению ко всему остальному человечеству, дал Маршалу закончить свою мысль, или по крайней мере не прерывал его, пока у него оставались сигареты.

Граф выбросил окурок, придавив его каблуком начищенного сапога, и тут же, не успев еще искрошить первый бычок, вынул портсигар и достал следующую сигарету.

Кабал понял, что оказался во власти полоумного заядлого курильщика. Что за чудесный денек.

— У Миркарвии есть планы, герр Кабал. Великие планы. Миркарвианская империя не просто сноса на странице учебника истории. Мы — проект будущего.

Кабал вспомнил то немногое, что ему было известно о произволах Миркарвианской империи, и подумал, что такое будущее придется по вкусу только самим миркарвианцам.